

Ярусова Анастасия Сергеевна,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

Научный руководитель:
Кривенцева Светлана Михайловна,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК 2020 ГОДА НА СТАТУС И ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕЗИДЕНТА РФ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу конституционных поправок 2020 года, оформленных Законом РФ о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Автор обосновывает, что данные изменения не являются точечной настройкой компетенций главы государства, а представляют собой системную перекалибровку всей архитектуры публичной власти вокруг президентского института.

Ключевые слова: Президент РФ, единая система публичной власти, Государственный Совет, разделение властей, парламентаризация.

Конституционные поправки 2020 г., оформленные Законом РФ о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, не ограничились «точечной настройкой» компетенций главы государства. Их правовой эффект заключается в перекалибровке всей архитектуры публичной власти вокруг президентского института: в Конституции закрепляется не только набор президентских прерогатив, но и новая логика их осуществления – через организацию и координацию «единой системы публичной власти» и через более плотное включение Президента в кадрово-организационные контуры исполнительной, судебной и прокурорской систем.

Ключевое изменение затрагивает не столько перечень полномочий, сколько конституционное «самоопределение» президентства. В редакции после 2020 г. Президент прямо обозначен как субъект, обеспечивающий согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Это расширяет прежнюю формулу о согласованном взаимодействии органов государственной власти: в поле координации конституционно включается весь публично-властный контур, включая уровень местного самоуправления как взаимодействующий элемент. Тем самым Президент получает конституционно-легитимированную роль «интегратора» публичного управления, что в институциональном плане повышает устойчивость вертикали управления и облегчает преодоление межуровневых конфликтов компетенции, но одновременно смещает баланс от разделения властей к модели функционального единства, в которой координация становится самостоятельной формой властного воздействия.

В эту же рамку вписывается конституционализация Государственного Совета. Конституция закрепляет, что Президент формирует Государственный Совет РФ в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, а его статус определяется федеральным законом[1]. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ раскрывает его предназначение как органа, ориентированного на подготовку предложений Президенту по ключевым направлениям политики и развития, а также по вопросам федеративных и межуровневых отношений. В доктринальном измерении это означает «достройку» президентского института постоянным механизмом политико-административной координации, который, оставаясь формально вне триады ветвей власти, способен влиять на выработку обязательных управленческих решений через президентский

центр. Отсюда возникает дискуссия: одни авторы трактуют Госсовет как рациональный инструмент согласования интересов Федерации и субъектов, другие – как дополнительный канал концентрации управленческих ресурсов при Президенте, укрепляющий персоналистский компонент конституционного дизайна.

Наиболее ощутимая трансформация произошла в блоке «Президент – Правительство – парламент». Поправки внешне усиливают участие Государственной Думы в формировании Правительства: в Конституции закреплено утверждение Думой кандидатуры Председателя Правительства, а также утверждение по представлению Председателя Правительства кандидатур заместителей Председателя Правительства и федеральных министров (за исключением «силового» и внешнеполитического сегмента). Однако институциональный смысл этой «парламентаризации» ограничен тем, что Правительство конституционно отнесено к исполнительной власти, осуществляемой под общим руководством Президента[2].

Формула «под общим руководством» юридически фиксирует уже сложившуюся практику президентского доминирования в исполнительной сфере и снижает потенциал правительственной автономии даже при расширенном участии Думы в кадровых процедурах. Дополнительно возникает структурное «расслоение» кабинета: руководители органов, ведающих обороной, безопасностью, внутренними делами, юстицией, иностранными делами и рядом смежных сфер, назначаются Президентом после консультаций с Советом Федерации. В итоге парламентское участие распределяется неравномерно: социально-экономический блок оказывается более вовлечён в думские процедуры, тогда как «суверенный» блок теснее связывается с Президентом и Советом Федерации, причём роль верхней палаты задана как консультационная, а не разрешительная. Правовая конструкция формирует контур исполнительной власти, в котором политическая ответственность Правительства перед парламентом не становится центральным принципом, а перераспределение процедур скорее укрепляет управляемость кабинета при сохранении решающей роли Президента.

Влияние поправок на законодательную ветвь проявляется не только через формирование Правительства, но и через изменение президентских инструментов воздействия на законодательный процесс. Существенно расширены механизмы предварительного конституционного контроля: Конституционный Суд по запросу Президента проверяет конституционность проектов и принятых законов до их подписания, включая законы, поступившие Президенту после повторного принятия палатами.

На уровне институционального баланса это создаёт дополнительный фильтр конституционности, но одновременно усиливает Президента как «вратаря» законодательного цикла: инициирование проверки зависит от президентского усмотрения, а временные параметры вступления закона в силу могут определяться обращением в Конституционный Суд. К этому добавляется изменение состава Совета Федерации: допускается назначение Президентом до 30 представителей Российской Федерации, причём до семи – пожизненно; также бывший Президент становится сенатором пожизненно.

Формально речь идет о "представителях Российской Федерации", но в логике сдержек и противовесов это расширяет потенциал влияния президента на верхнюю палату как участника кадровых процедур и конституционно значимых консультаций.

Самый дискуссионный блок поправок касается судебной власти и прокуратуры. Совет Федерации получил полномочие прекращать по представлению Президента полномочия председателей и судей высших судов и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях [3]. Это не «простое» расширение президентских полномочий, а институциональная перестройка дисциплинарно-кадрового контура судебной системы: президентская инициатива становится обязательной предпосылкой для запуска

процедуры на уровне верхней палаты. Научная критика подчёркивала, что новеллы о Конституционном Суде и судебной системе не сопровождались убедительным доктринальным обоснованием и потенциально увеличивают уязвимость суда к политическому давлению через кадровые механизмы. Дополнительным элементом стало сокращение численности Конституционного Суда до 11 судей при одновременном расширении его компетенции по предварительному контролю. Такая комбинация усиливает значение Конституционного Суда в контуре «Президент – закон», но одновременно ставит вопрос о реальной способности суда выполнять возросший объём функций без потери качества и автономии.

После 2020 г. порядок кадрового оформления прокуратуры заметно изменился. Генеральный прокурор и его заместители теперь назначаются Президентом после консультаций с Советом Федерации; освобождение от должности тоже отнесено к президентской компетенции. Та же модель распространена на прокуроров субъектов и руководителей специализированных прокуратур соответствующего уровня. Если раньше верхняя палата играла определяющую роль в назначении и прекращении полномочий Генерального прокурора, то теперь её участие сведено к консультативной стадии. Юридически значимое решение сосредоточено у Президента. Это усилило административную связанность прокурорской системы и упростило поддержание единства надзора, хотя кадровые сдержки внутри самой конструкции стали слабее.

В том же направлении были изменены и положения о президентской ответственности. Конституция закрепила неприкосновенность лица, прекратившего исполнение полномочий Президента, а её снятие поставила в зависимость от усложнённой процедуры: обвинение, судебные заключения, решение Совета Федерации. Раньше такие гарантии существовали на уровне текущего законодательства; теперь они получили конституционный статус. Это снижает риск политически мотивированного преследования после ухода с должности, но одновременно увеличивает дистанцию между институтом президентства и механизмами ответственности. Одновременно формула ограничения сроков стала жёстче: установлено не более двух сроков, без прежнего указания на их последовательность. Но переходное правило исключило из расчёта сроки, истекшие до вступления поправок в силу. В общем виде норма о сменяемости была усилена, однако её практическое действие – специально скорректировано.

Именно здесь сосредоточена основная научная полемика. Спор идёт не столько о перечне новелл, сколько об их совокупном эффекте: усилили ли они систему взаимных ограничений или закрепили доминирование президентского центра. В исследованиях постреформенной модели разделения властей часто отмечается, что расширение участия парламента в формировании Правительства не уравнесило рост президентского влияния в исполнительной сфере, а также в кадровых и дисциплинарных механизмах, затрагивающих судебский и прокурорский корпус. Схожие выводы содержались и во внешней экспертизе: в промежуточном заключении 2021 г. Венецианская комиссия указывала на риски для баланса властей и независимости суда, включая чувствительность процедур прекращения полномочий судей по инициативе Президента. В российской доктрине происходящее нередко описывают как смещение смешанной республиканской конструкции к более выраженному президентскому руководству исполнительной властью; одновременно были конституционно оформлены и ранее сложившиеся практики – единая публичная власть, Госсовет, предварительный конституционный контроль.

Список литературы:

1. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (ред. действующая) // КонсультантПлюс: [справочно-правовая система]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8797c0ff5480db98af51382b6d5800fa84d1c875/ (дата обращения: 01.04.2026).

2. Конституционное право России: практикум / отв. ред. В. В. Комарова. – М.: Норма, 2024. – 328 с. – URL: <https://norma-verlag.com/book/17201> (дата обращения: 01.04.2026).

3. Стрекозов, В. Г. Конституционное право России: учебник для вузов / В. Г. Стрекозов. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 279 с.

